

DOI: 10.31857/S241377150013061-0

Творческий потенциал носителя языка и словесная игра

© 2020 г. Б. Ю. Норман

Доктор филологических наук,
профессор Белорусского государственного университета,
Республика Беларусь, 220030, Минск, просп. Независимости, д. 4;
ведущий научный сотрудник Уральского федерального университета,
Россия, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19
boris.norman@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию 12 сентября 2020 г.

Дата публикации: 31 декабря 2020 г.

Резюме. Рассматривается заложенная в языковом сознании способность к словесному творчеству: окказиональное словообразование, использование потенциальных грамматических форм, окказиональная сочетаемость слов, искусственная их семантизация и т.д. Приводятся примеры из русской художественной литературы, фольклора, жаргона, семейного языка. Неузальные номинации (типа *репрессалии* ‘оговорки’ или *брахманутра* ‘ерунда’) трактуются в связи с теорией лингвистических переменных. Делается вывод, что языковая игра в каком-то отношении призвана исправить неполноту или несовершенство языковой системы.

Особое внимание уделяется разновидности языковой игры под названием “Этимологический словарь”. Это систематическая попытка сознательного придания слову “чужого”, неправильного (но правдоподобного) значения, вроде *нудист* ‘скучный докладчик’. Вскрывается родство этой игры с ложной этимологией и ее пародийный характер. Описываются лингвистические аспекты данной игры, ее польза для лексикографии. При этом учитываются такие факторы, как продуктивность словообразовательной модели, степень известности слова, способы его семантизации и т.д.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке, согласно постановлению № 211 Правительства Российской Федерации, контракт № 02.A03.21.0006.

Ключевые слова: словесное творчество, языковая игра, лексическое значение, семантизация, “Этимологический словарь”, пародия.

Для цитирования: Норман Б.Ю. Творческий потенциал носителя языка и словесная игра // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 6. С. 20–32. DOI: 10.31857/S241377150013061-0.

Native Speaker's Creativity and Word Play

© 2020 Boris Yu. Norman

Doct. Sci (Philol.),
Professor at the Belarussian State University,
4 Nezavisimosti Prosp., Minsk, 220030, Republic of Belarus;
Leading Researcher at the Ural Federal University,
19 Mira Str., Ekaterinburg, 620002, Russia
boris.norman@gmail.com

Received by Editor on September 12, 2020

Date of publication December 31, 2020

Abstract. The capacity for verbal creativity inherent in the linguistic consciousness is considered: occasional word formation, the use of potential grammatical forms, occasional combination of words, their non-usual semantization, etc. Examples from Russian fiction, folklore, jargon, family language are given. Unusual nominations (such as *repressalii* – “provisos” or *brahmaputra* – “rubbish”) are interpreted in connection with the theory of “linguistic variables”. It is concluded that the language game in some respect is designed to correct the incompleteness or imperfection of the language system.

Special attention is paid to the type of language play called “Entimological Dictionary”. This is a systematic attempt to deliberately give a word someone else’s (wrong, but plausible) meaning, like *nudist* as “boring rapporteur”. The relationship of this play with a false etymology and its parodic nature are revealed. The linguistic aspects of this play, its use for lexicography are described. The productivity of the word-formation model, the degree of word popularity, methods of its semantization, etc. are taken into account.

Acknowledgment. The research is supported by the Government of the Russian Federation, according to Act 211, contract no. 02.A03.21.0006.

Key words: verbal creativity, language play, lexical meaning, semantization, “Entimological dictionary”, parody.

For citation: Norman, B.Yu. *Tvorcheskij potencial nositelya yazyka i slovesnaya igra* [Native Speaker’s Creativity and Word Play]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2020, Vol. 79, No. 6, pp. 20–32. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150013061-0.

Введение

Заявленная тема не так уж и нова, тем не менее ей следует предпослать в качестве преамбулы некоторые общие положения. Язык призван обслуживать бесконечное множество ситуаций, в которых совмещаются и переплетаются его различные функции: информационная, когнитивная, социальная, эстетическая и др. При этом язык обеспечивает реализацию этих функций не только в пространстве (от личности к личности, от личности к обществу, от общества к личности, от общества к обществу), но и во времени (от поколения к поколению, от эпохи к эпохе).

Такому сложному набору функциональных обязанностей соответствует сама природа языка как самоорганизующейся системы с нечетко-множественным характером классов. Его единицы способны к субституции, дублированию, перефразированию, сжатию, комбинации друг с другом и с паравербальными элементами (мимикой, жестикуляцией, графическими средствами и т.д.).

Языковая компетенция, присущая взрослому человеку, включает в себя не только огромное количество единиц разных уровней (от фонем до целых текстов), но и правила их моделирования и комбинаторики. Человек — не только “текстовоспроизводящее” устройство, но и “текстосоздающее”, и соотношение между этими двумя сторонами использования языка

обуславливается в каждом конкретном случае личностями говорящего и слушающего, речевой ситуацией, стилем и жанром общения.

Все сказанное создает предпосылки для реализации творческого потенциала языкового коллектива. Под творческим потенциалом имеется в виду совокупность ментальных механизмов, позволяющих создавать и адекватно интерпретировать речевые единицы, не входящие в общепринятый канон. Это могут быть факты окказионального словообразования, авторские неологизмы, переносные употребления слов, нетипичные (непривычные) словосочетания, неузальное использование синтаксических конструкций и т.д.

О потенциальной природе языковых единиц

В научной литературе предлагается различать потенциальные и окказиональные слова [1, с. 181]; [2, с. 289–290] и др. Первые создаются по существующим в языке словообразовательным моделям, они легко воспринимаются и могут переходить в категорию узальных; вторые возникают как бы вопреки моделям, они единичны и непредсказуемы. С этой точки зрения, скажем, *журнализм* (Ю. Олеша) или *лошадиность* (И. Грекова) — потенциальные слова, а *олакрез* (В. Набоков) или *ухряб* (В. Пелевин) — окказиональные.

Но за пределами лексического состава это деление утрачивает свой смысл. Все новообразования

в грамматике — потенциальны, ибо все значения здесь имеют массовый и регулярный характер. П.С. Кузнецов писал об этом так: “Если бы, например, вместо формы множественного числа у нас всегда употреблялось образование от другого корня, о множественном числе в грамматике нечего было бы и говорить. Мы просто имели бы дело с разными словами разного корня, из которых одно обозначает один какой-то предмет, а другое — несколько таких же предметов” [3, с. 25]. По природе своей не может быть и уникального (единичного) грамматического значения. Американский когнитивист Л. Талми называет это закрытостью грамматических классов: «Соотносясь с типами или категориями феноменов, формы закрытых классов не могут относиться к каким-либо отдельным их представителям... В языке могут быть имена собственные, но не может быть “предлогов собственных”» [4, с. 104–105].

Поэтому, когда мы встречаем у Марины Цветаевой в стихотворении “Попытка ревности” целый ряд безличных глагольных форм при субъекте в дательном падеже:

Как **живется** вам — хлопочется —
Ежится? **Встается** — как?...
 Как **живется** вам — здоровится —
Можется? **Поется** — как?,

воспринимаем их как вполне возможные, допустимые языковой системой образования. И действительно, сегодняшняя речевая практика подтверждает “живучесть” таких форм, ср.: Николаю Сергеевичу хотелось лечь и уснуть навсегда, не выходя из кабинета. Николай Сергеевич закрыл глаза и стал ждать конца. Но как-то **не умиралось** (Э. Брагинский, Э. Рязанов. Старики-разбойники).

Пировалось всю ночь воронью,
 Воронье истерзало мою
 Небессмертную, рваную душу...
 (Д. Сухарев).

Так что ж, напрасно гениям **горелось**
 Во имя изменения людей?..
 (Е. Евтушенко. Братская ГЭС).

Конечно, подобные формы содержат дополнительную экспрессию и помогают художнику слова настроить читателя на креативный и “игровой” лад. Но с точки зрения лингвистики перед нами — факт экстраполяции, распространения заданной грамматической модели на новый лексический материал.

Слово существует в сознании носителя языка в виде определенного набора (“профиля”) своих грамматических форм. Хотя теоретически у существительных, скажем, *судьба* и *слеза* — одинаковый комплект из 12 словоизменительных форм, реальная их употребительность будет совершенно разной. Как писал А.И. Смирницкий, «многие словоформы, постулируемые как единицы в системе форм того или иного слова, возможно, вообще никогда в действительности, в практике общения не образовывались (вряд ли, например, образуется такая словоформа, как “акклиматизируй”). Таким образом, очень многие словоформы следует признать лишь потенциальными единицами языка» [5, с. 21].

Сказанное очерчивает для современного языкознания особую проблему потенциальных грамматических форм, т.е. “форм, которые фактически почти никогда не встречаются, но при необходимости все же могут быть образованы по общим правилам русского словоизменения. <...> Потенциальная форма образуется, когда это потребуется, легко и однозначно; соответственно, в словаре никаких помет не дается. Примеры потенциальных форм такого рода: мн. число от *диета*, *нейтралитет*, *гордость* (соответственно *диеты*, *нейтралитеты*, *гордости*), краткие формы от *пограничный*, *сосновый* (соответственно *пограничен*, *погранична* и т.д., *соснов*, *соснова* и т.д.)” [6, с. 7].

Перечень таких речевых ситуаций в русском языке можно легко продолжить: это образование родовых коррелятов у существительных (*нянь*, *обезьян*, *мух*), форм сравнительной степени от относительных прилагательных (*ночнее*, *заднее*, *казеннее*), притяжательных прилагательных (*хирургов*, *уборщицын*, *яблоне*), страдательных причастий (*пасомый*, *плющимый*, *держимый*), вторичных имперфективов (*растамаживать*, *приурачивать*, *обанкрачивать*), каузативов (*улыбнуть*, *ошибить*, *дрожать* и *примкнуть* с прямым объектом) и т.д. Это — огромный потенциал средств речевой выразительности, который обеспечивается самой языковой системой [7]; [8, с. 172–214]; [9]; [10]; [11]; [12] и др. Многие подобные факты описываются и исследуются также в серии коллективных монографий под общим названием “Лингвистика креатива”, выходящей под редакцией Т.А. Гридиной в Екатеринбурге начиная с 2009 г.

Предпосылки и виды языкового креатива

Речь идет не столько о свободе художественного творчества, сколько о заложенной глубоко

в народном сознании тяге к креативу, к языковой игре, к метафорике и балагурству. Известный сборник “Пословицы и поговорки русского народа” Владимира Даля [13] содержит массу прибауток, словесных перевертышей, ритмизованных и рифмованных речений, имеющих в себе лингвистическую ценность, например:

Всякое паршивое найдет себе поганое.
Пока толстый похудеет, худой сдохнет.
Замолчал, как рыба в пироге.
Где пастух дурак, там и собаки дуры.
Большое вяканье доводит до бяканья.
Кот из дому — мыши в пляс.
У него стыда, что волос на камне.
И медведь костоправ, только самоучка.
Блин не клин: брюха не расколет.
Удастся — квас, не удастся — кислоты щи.

Фольклорные образцы, зафиксированные великим лексикографом, однозначно свидетельствуют о том, что коммуникативная функция в языке неотделима от эстетической.

Конечно, речевая деятельность строится по определенным правилам. Это касается и образования форм слова, и употребления слов в определенных значениях, и использования синтаксических образцов-моделей... Иначе говоря, свобода здесь — ограниченная. Если бы индивидуум придумывал для всех предметов какие-то особые названия, его никто бы не смог понять. Выдающийся русский языковед А.М. Пешковский писал так: “...Мы не можем выдумывать своих звуков, своих слов, своих значений, потому что все это значило бы выдумывать свой язык, на котором ни с кем нельзя было бы объясняться” [14, с. 428]. Как бы в продолжение этой мысли, в одной из научно-популярных книг читаем: “Незнание значения слова проявляется в двух основных типичных ошибках. Неверно будет назвать крокодила *бегемотом* или велосипед *сохой*. Из такого словоупотребления будет следовать, что говорящий, во-первых, не знает наименований для крокодила и велосипеда, а во-вторых, не знает значений слов *бегемот* и *соха*” [15, с. 78–79].

Однако практика показывает, что в определенных дискурсивных условиях, с определенной целью крокодил, фигурально выражаясь, может быть назван бегемотом! Речь идет о необычайной гибкости языка, о его номинационной нежесткости. Здесь стоит вспомнить теорию “лингвистической переменной” Л. Заде, согласно которой значениями “лингвистических переменных” (слов) являются

нечеткие переменные: в такой “саквояж” может влезть все что угодно [16, с. 7].

Приведем сначала соответствующие примеры из русского классика:

А ежели любите суп, то из супов наилучший, который засыпается кореньями и зеленью: морковкой, спаржей, цветной капустой и всякой тому подобной **юриспруденцией** (А.П. Чехов. Сирена).

— Я не ученый. Зачем врать? Курсов я не кончал, во фраках по-ученому не ходил, но, брат, могу без скромности и всяких там **репрессалий** сказать тебе, что и за миллион не найдешь другого такого юриста (А.П. Чехов. Староста).

Понятно, что лексемы *юриспруденция* и *репрессалия* употреблены писателем “не в своих” значениях, и даже не так легко определить — в каких именно. Под *юриспруденцией* понимаются, по-видимому, какие-то кулинарные ингредиенты, а под *репрессалиями* — оговорки, условия, подробности. При этом говорящий (сам автор или его персонаж) не очень стесняется своего словесного “самоуправства”, так как рассчитывает на понимающего адресата, на общность обстановки, предыдущего речевого опыта и т.п.

Приведем теперь примеры из произведений современных авторов.

У нас ведь всегда не востребованность в умах. Хотите, изложу вам свое **реноме** по этому поводу? ...Конечно, дети — это **клеветы** в оранжерее нашего общества, которое должно их любить и ухаживать... (Л. Дуров. Байки на бис).

ЗИНА. Не городи **брахманутру**! Она его за муки полюбила, а он ее за сострадание к себе! (Н. Коляда. “Мы едем, едем, едем”).

Нельзя, конечно, сказать, что Чистяков влюбился в Лизу, будучи совершенным **будденброком** в сексе (Ю. Поляков. Апофегей).

Сергей. Не приставайте к моей жене!
Кси. Не хнычь, я тебя утешу!
Сергей. Утешь лучше своего мужа!
Кси. Да ну его! Этот **солидол** мне надоел! (Ю. Поляков. Хомо эректус).

Прикопив однажды денег и купив этой самой спаржи заодно с рукколой, Татьяна убедилась, что есть такую гадость невозможно... Теперь на всякую непонятную ей вещь и к тому же не внушающую доверия она говорила:

— Ишь ты, **руккола** (Н. Андреева. Правая рука смерти).

Здесь *реноме* в значении ‘резюме’ или ‘мнение’; *клеветы* — в значении ‘цветы, букеты’; *брахманутра* в значении ‘ерунда, бред’;

будденброк в значении ‘наивный, примитивный человек’; *солидол* в значении ‘обормот’ или ‘зануда’; *руккола* в значении ‘что-то непонятное, неизвестное’ — всё это примеры окказиональной вторичной семантизации, приписывания слову чужого значения. Такое словоупотребление вкладывается автором обычно в уста персонажей не слишком образованных. Но так или иначе, право на окказиональную вторичную номинацию имеет любой человек.

Характерная сфера проявления такой речевой свободы — это фамилиолект, т.е. вариант языка, существующий в рамках семьи [17, с. 59–67]; [18, с. 277–340] и др.; на польском материале см. солидную монографию: [19]. В научной литературе зафиксированы такие “внутрисемейные” номинации, как *фараон* ‘большой рюкзак’, *микроволновка* ‘маршрутное такси’, *цеплялки* ‘бельевые прищепки’, *Пиночет* ‘холодильник’, *Снегурочка* ‘телефонный аппарат’, *Харрисон* ‘жена’, *пас-сатизжи* ‘несессер’ и др. Естественно, как только такое слово выходит за пределы семьи и употребляется для более широкого круга пользователей (например, читателей), оно тут же требует расшифровки. Так происходит в следующем контексте с существительным *аптечка*. Обычно это слово обозначает шкафчик или футляр с набором самых необходимых медикаментов. Но в тексте повести Льва Кассиля оно выступает в окказиональном значении и потому нуждается в разъяснении.

И мы побрели в “*аптечку*”. “Аптечкой” у нас почему-то называлась полутемная проходная комната около уборной и кухни. На маленьком оконце стояли пыльные склянки и бутылки. Вероятно, это и породило кличку (Л. Кассиль. Конduit и Швамбрания).

“Собственные”, индивидуальные, окказиональные номинации — важная психологическая составляющая идиолекта. Особенно важны они в плане онтогенеза, в период формирования языковой личности, но нередко сохраняются и в зрелом возрасте. Один пример:

На шкафу статуэтка Фемиды, ее подарили отцу в день окончания юридического факультета. Мне на нее еще грудному показывали, говоря: **Фемида**. Спрашивали потом, при гостях особенно: где Фемида? Я показывал. Но не знал еще, кто такая Фемида, думал, что любая дребедень, стоящая на шкафу (Е. Водолазкин. Авиатор).

Употребление неточных, приблизительных номинаций оборачивается в тексте

окказиональной сочетаемостью слов. В частности, такая комбинаторика характерна, как известно, для творчества Андрея Платонова. Если брать только атрибутивные словосочетания, то здесь встречаются: *приблизительная невеста*, *костлявая трава*, *одичалые волдыри*, *усталая одежда*, *чистоплотные автомобили*, *мертвые вымыслы*, *мягкий камень*, *сытая шубка* и т.п. Выбор писателем подобных номинаций, очевидно, неслучаен. Как отмечают исследователи, “большинство так называемых языковых аномалий у писателя имеют ментальную, а не вербальную природу” [20, с. 475]. Иными словами, неузуальные, неконвенциональные названия призваны не только активизировать креативный потенциал читателя, но и расширить его когнитивный кругозор; они заставляют искать новые грани в знакомых предметах. Знаменательно в этом смысле признание героя Владимира Набокова (не авторская ли декларация стоит за ним?):

Мне нравилось — и до сих пор нравится — ставить слова в глупое положение, сочетать их шутовской свадьбой каламбура, выворачивать наизнанку, заставлять их врасплох (“Отчаяние”).

Для художника слова сверхзадача — возбудить в слушателе или читателе определенные мысли и эмоции — важнее требования строго укладываться в значение используемых им лексем. Вот Т. Катаева замечает в своей желчной книге об Анне Ахматовой, что та употребляла многие слова, не понимая их значений и не задумываясь над ними. Всё это, по определению Катаевой, “лебеда”:

“Лебедой” были следующие слова: “светлый” (“темный”), “тайна”, “таинственный”, “встреча” (а про “невстречу” уж и не говорю), и — главное — “страшный”. “Страшный” — обозначает всё и заменяет всё [21, с. 654].

Но оставим поэту право распоряжаться словами своим, одному ему известным образом. “В стихах всё быть должно некстати, не так, как у людей”, говоря словами той же Ахматовой. А излюбленная, частотная лексика во многом и создает тот идиолект, формирует ту личность, которая привлекает читателя.

Относительная речевая свобода говорящего касается не только плана содержания языкового знака, но и плана его выражения.

Показательны в этом смысле забавы типа “олбанского языка”, принявшего одно время форму повальной эпидемии (а затем постепенно сошедшего на нет). Они тоже расшатывают

незыблемую, казалось бы, связь между формой и значением как двумя сторонами слова. Надо понимать, что написания вроде *красавчег* (вместо *красавчик*) или *превед* (вместо *привет*) возникли не от неграмотности, а от повышенного внимания к языку, от избытка орфографического креатива. Неслучайно “олбанскому языку”, или “жargonу падонкаф”, посвящены уже десятки научных статей и книг [22] и др.

Использование языка в особых эстетических и людических (игровых) целях имеет давнюю традицию, в том числе в русском обществе. Находить словообразовательную или этимологическую связь между словами на основе их формального сходства — излюбленная забава гуманитариев. А в художественной литературе этот прием использовался и используется как для характеристики персонажей, так и для оживления авторского текста. Несколько примеров:

Холостяками называются мужчины, стреляющие из **холостых** ружей. Если молодые люди объясняются в любви на **плоту**, то это **плотская** любовь (А.П. Чехов. Словотолкователь для барышень).

Мы сидим за круглым мраморным столиком и задумчиво беседуем. “**Задумчиво**” от “**зadушить**”, по ее определению. Тэффи хмурится (И. Одоевцева. На берегах Сены).

Я ничего не помню из этих пьесок, кроме часто повторяющегося слова “**экстаз**”, которое уже тогда для меня звучало как старая посуда, “**экс-таз**” (В. Набоков. Дар).

Для нее **кафетерий** — не от слова “кафе”, а от слова “**кайф**” (З. Паперный. Школа терпения).

24 августа 1979 года я покинул СССР, раз и навсегда расставшись как с общей головной болью проживания на его территории, так и с изматывавшими меня вполне конкретными **мигреньями**. Не отсюда ли слово “**эмиграция**”? (А. Жолковский. Виньетки).

Не будем говорить здесь о классических риторических приемах и стилистических фигурах (таких как хиазм, палиндром, каламбур, афоризм, анаграмма и т.д.), о ребусах и кроссвордах, о буре и скрэбле, о популярной в свое время среди филологов игре “Почему не говорят?” [23] и т.д. Не будем также возвращаться к малым жанрам фольклора: пословицам, прибауткам, загадкам, дразнилкам — диапазон народного словесного творчества чрезвычайно широк. Но стоит напомнить о сохраняющих свою популярность телевизионных шоу, в основе которых лежит актуализация словесной информации, типа “Поле

чудес” или “Кто хочет стать миллионером”, а также о безграничном креативе в сфере нейминга (ср.: трактир “Ёлки-палки”, магазин автозапчастей “Мужские игрушки”, журнал “Огородыч”, карамель “Ёшкина коровка” и т.п.). О других видах языковой игры см.: [24]; [25, с. 6–81]; [26, с. 275–333] и др.; критический обзор теории см.: [27, с. 56–104].

Отдельный вопрос — насколько это всё соответствует двум типам игры, которые по-английски называются *play* и *game*, ср.: [28]; [29]. Первое — это спонтанная забава, в которой человек участвует главным образом ради своего удовольствия. Второе — действие с элементами соревнования, осуществляемое по определенным правилам. Многообразие языковых игр не позволяет свести их к одному типу, но все же развлекательный и гедонистический аспекты здесь преобладают. Значит, скорее все же мы имеем дело с *play*.

В последние десятилетия в связи с социальными изменениями и с демократизацией литературной нормы языковая игра принимает новые масштабы и формы. В средствах массовой информации, в торговой рекламе активизируются метафорические переносы значения, используются факты окказионального словообразования (“Эсэмэсище”, “Сникерсни!”), “Отдыхай путево!” — в смысле ‘по путевке’), систематически искажается фонетический и графический облик слова и т.д. [30].

Заслуживают внимания и новые жаргонизмы: они очень часто базируются на формальном сходстве с исходным словом: *фанера* ‘фонограмма’, *клава* ‘компьютерная клавиатура’, *совок* ‘Советский Союз’ или ‘советский гражданин’, *шеф* ‘шофер’, *мерин* ‘мерседес’, *устанкаться* ‘установиться, стабилизироваться’, *стопудово* ‘сто процентно’, *самопальный* ‘самодельный’ и т.п.

Даже такой традиционный жанр, как кроссворд, претерпевает заметные изменения. Наряду со строгими “терминологическими” описаниями значений читателю предлагаются толкования замаскированные, шутливые, приблизительные (на что часто указывает употребление кавычек). Скажем, в газете “Комсомольская правда” регулярно публикуются кроссворды от Олега Васильева с такими, в частности, заданиями:

“выдвигенец” из комода (ответ — *ящик*),
морская “неустойка” (ответ — *качка*),
“проходная” на болоте (ответ — *гать*),
конфетные “разносолы” (ответ — *ассорти*),

гараж на службе авиации (ответ — *ангар*),
деталь от молекулы (ответ — *атом*),
утечка из Везувия (ответ — *лава*).

Понятно, что слова *выдвиженец*, *неустойка*, *проходная*, *разносолы*, *гараж*, *деталь*, *утечка* использованы здесь скорее как намеки, как отсылки к другим, однокоренным или просто близким, словам: *выдвигать*, *неустойчивый*, *проход*, *разный* и т.д. Разгадывание кроссворда призвано активизировать вербальные связи в сознании читателя.

В чем же корни этого торжества дополнительных вербальных связей, этой эпидемии языковой игры, которую мы сегодня наблюдаем вокруг? По-видимому, объективные предпосылки ее заложены в самой природе языка. Словесные забавы вполне укладываются в понятие игры как таковой. Любая игра — спортивная, военная (учения), театральная (репетиция), психологический тренинг и т.д. — есть моделирование реальной ситуации, в ходе которого вырабатываются определенные деятельности навыки. Собственно, и весь язык под определенным углом зрения можно считать игрой (вспомним знаменитое сравнение Ф. де Соссюра: язык и шахматы). Но креативное использование языка обнаруживает особые свойства игры. Приведем две цитаты из ставшей уже классической работы Й. Хейзинги: «Не будучи “обыденной” жизнью, она [игра. — Б.Н.] лежит за рамками процесса непосредственного удовлетворения нужд и страстей. Она прерывает этот процесс» [31, с. 19]. «Она творит порядок, она есть порядок. В несовершенном мире и сумбурной жизни она создает временное, ограниченное совершенство» [Там же, с. 21].

Это значит, что человек подсознательно “идеализирует” язык, относится к нему лучше, чем тот на самом деле устроен. Ему, человеку, хотелось бы, чтобы за одной формой всегда скрывалось одно и то же значение. А язык устроен намного сложнее, если угодно — “неправильнее”. Здесь сплошь и рядом за одной и той же формой кроется разное содержание, а одно и то же значение, наоборот, выражается разными формальными средствами. Вот это и создает основания для многообразной языковой игры. Бывает, действительно, что словесная шутка в чем-то “выправляет”, выпрямляет языковую реальность.

А по сути, в глубине такого раскрепощенного отношения говорящего к своему средству общения лежит расшатывание канонической

связи между формой и значением языкового знака. Поскольку же дисперсии, рассеиванию подвержены обе стороны последнего, то это ставит под сомнение тождественность знака самому себе. Имеет ли носитель языка право на такую деструкцию? Прочитаем один из возможных ответов:

“Диффузность, неопределенность, формальная и содержательная энтропия обеспечивают говорящему по-русски своеобразный речевой комфорт — экспрессию свободного самовыражения, речевого творчества, подвижности форм и значений, свободной и непринужденной коммуникации” [32, с. 719].

Возможно, национально-культурный компонент придает языковой игре особую окраску, но в принципе это явление интернациональное, универсальное. Психологическое удовлетворение и эстетический эффект от языковой игры перевешивают риск нарушения литературной нормы, коммуникативного недоразумения или социального отторжения.

“Этимологический словарь”: история и уроки

Представляется уместным напомнить здесь об одном виде языковой игры, имеющей, на наш взгляд, полезный лингвистический аспект. Речь идет об “Этимологическом словаре”, восходящем в своих истоках к стенгазетному творчеству ленинградских студентов 1960-х годов [11, с. 252–337]; [33]. Первоначально словарь насчитывал несколько десятков лексем и преследовал главным образом развлекательную цель. Идея составителей была проста: придумать к словам необычные, ложные (хоть и правдоподобные) толкования. К тому времени в русскоязычном речевом обиходе уже ходили шутки вроде “художник от слова худо”, *полупроводник* — “один проводник на два вагона”, *свинец* — “самец свиный”, *шансонетка* — “женщина без шансов” и т.п. Так что словарь родился не на голом месте. Приведем небольшой фрагмент этого несерьезного лексикона.

АВТОЖИР — машинное масло
АВТОКЕФАЛИЯ — цистерна рыбхоза
БЕЗДАРЬ — гость без подарка
БОГЕМА — единица измерения религиозности
БОМБАЖ (воен.) — количество бомб, сброшенных на объект
БРЕШЬ — грубая ложь
БУЛЛИТ (сокр.) — бульварное чтиво
ВЕСТАЛКА — 1. дикторша телевидения; 2. гостя с Запада
ГЛАВБУХ — командир батареи
ДИПЛОДОК (сокр.) — дипломатический документ

ДОМУШНИК (*разг.*) — надомник
ДРАГА (*старослав.*) — ценность
ЗАКРОЙЩИК — вахтер, сторож
ЗАМША — заместительница директора
ЗАТОПЛЕНИЕ — начало отопительного сезона
ЗРЕЛИЩЕ (*уст.*) — парник, оранжерея
ИНОК (*сокр.*) — инакомыслящий, диссидент
ИНТЕРЛЮДИЯ — многонациональный коллектив
ИШИ СВИЩИ (*фразеол.*) — работа хирурга
КИНОЛОГИЯ — наука о кино
НУДИСТ (*научн.*) — скучный докладчик

В основе такой игры в псевдотолкования лежит вопрос: “Что бы это слово могло значить?”. В качестве прекурсоров и прецедентов данной затеи можно было бы назвать также известные факты ложной, или народной, этимологии (*спинжаск*, *полуклиника*, *подушка* как “то, что под ухом” и т.п.). При всем отрицательном отношении к ложному этимологизированию следует признать, что стремление мотивировать слово, объяснить его происхождение глубоко коренится в народном сознании. И сегодня мы встречаем в речевом обиходе примеры вроде “копитал” вместо *капитал*, “спортакиада” вместо *спартакиада*, “штурмовка” вместо *штурмовка*, вместо *неравнодушный* появляется “неровно дышит”, и трудно отделаться от ощущения, что *плутократия* как-то связана с *плутами*, а в выражении *насмарку* так и слышится *насморк*... Вот как писал Жозеф Вандриес: “Сознание стремится установить связи во внешней форме слов, часто даже вопреки здравому смыслу. Слабое звуковое сходство данного слова с употребительным или более известным словом ведет за собою сближение, результатом которого являются странные искажения слов” [34, с. 172].

Таким образом, “Этимологический словарь”, с одной стороны, легализовывал идею народной этимологии, а с другой — ставил своего рода массовый эксперимент по семантизации слова носителем языка.

После публикации неполной (и цензурированной) версии Словаря в новосибирском сборнике “Вопросы языка и литературы” [35], а особенно после публикации того же материала в нескольких номерах “Литературной газеты” за 1972 год, общественное сознание, можно сказать, всколыхнулось. В редакции газет и журналов хлынул поток продолжений и подражаний. Юмористы стали зачитывать “этимологии” с эстрады. В Интернете и по сей день существуют многочисленные сайты с авторскими версиями шуточных словотолкований. Эта неожиданная эпидемия

“этимологизирования” показала, как велика в сознании общества жажда языкового экспериментирования, проще говоря — игры со словом.

Автор настоящей статьи, ставший со временем полноправным представителем и идеологом Словаря, удовлетворился расширенной публикацией в [11], но продолжал получать дополнения и авторские версии от коллег и даже от незнакомых людей. Появились ссылки на Словарь в работах известных ученых (А.А. Реформатского, Ф.А. Литвина, Л.В. Сахарного, Л.П. Крысина, И.Г. Добродомова, И.Н. Горелова и К.Ф. Седова и др.). Специальные статьи были посвящены тем или иным аспектам “Этимологического словаря” [36]; [37]; [38] и др. В немецком журнале “Zeitschrift für den Russisch-Unterricht” совершенно неожиданно вышел... комментированный перевод Словаря на немецкий язык под знаменательным названием “Russisch wie es nicht im Wörterbuch steht” (“Русский язык, которого нет в словаре”) [39].

М.В. Панов написал в своем отзыве на Словарь, адресованном издательству: «Язык можно использовать как игрушку. Кое-кто играет в домино, кое-кто — в карты, иные часами вертят кубик Рубика или увлекаются ролевыми играми. Но все (за исключением особо мрачных субъектов) играют в язык... Лингвистам, видимо, тема казалась недостаточно солидной, и они обходили ее молчанием. А это значит — упускали из виду важную сторону языка. “Этимологический словарь” — блестяще остроумный, будящий читательское внимание к слову и развивающий остроту его восприятия».

Чем же “Этимологический словарь” интересен для лингвиста? Когда его вокабулярный разросся до нескольких тысяч слов, стало очевидно, что невинная языковая забава дает основания для некоторых лингвистических обобщений.

Прежде всего, Словарь отражает и выпукло представляет важнейшие принципы лексикографии, а случающиеся ошибки лексикографов преломляет в пародийном свете.

Так, словарь не должен содержать круга в толкованиях (отсылки от одного слова к другому, а от того — обратно к первому). В “Этимологическом словаре” такой огрех высмеивается в явной форме, ср.:

ГЛАЗЕТ — см. ЗЕНКЕР.
ЗЕНКЕР — см. ГЛАЗЕТ.

НУЖНИК — см. ТРЕБНИК.
ТРЕБНИК — см. НУЖНИК.

РВАЧЕСТВО — см. РВЕНИЕ.
РВЕНИЕ — см. РВАЧЕСТВО.

Отдельная проблема — употребление в объяснительной (правой) части статьи тех же лексем (или корневых морфем), что представлены в вокабуле. Для обычных (“настоящих”) словарей это естественно и желательно, ср.: ЗАЯВКА — заявление о своих правах...; КЛЕВЕТНИК — тот, кто клеветает...; НАБЕДРЕННЫЙ — носимый на бедре...; ПОКРЫВАЛО — кусок ткани, предназначенный для покрытия чего-л... и т.п. [40]. Но “этимология” — это игра, содержащая в себе загадку, интригу, она требует от читателя активизации словесных связей в сознании! Поэтому повтор корневой морфемы в объяснительной части тут нежелателен. Скажем, для вокабулы МОКРИЦА лучше предложить толкование “осенняя погода”, чем “мокрая погода”. Для РАСПЕЧАТКА лучше “вскрытое письмо”, чем “распечатанное письмо”; для РАНЕЦ лучше “травмированный”, чем “раненый”; для СКЛАДЕНЬ лучше “перочинный нож”, чем “складной нож” и т.д.

Важное условие “этимологизирования” — словообразовательная прозрачность. Читатель должен по возможности сразу распознать словообразовательную модель, которая в конкретном случае задействована. Поэтому слова вроде ГРИЛЬЯЖ, МИРАЖ, МУЛЯЖ “этимологизируются” довольно легко (благодаря словам с количественной семантикой типа *метраж*, *листаж*, *тоннаж*); то же можно сказать о случаях типа КОСТРЕЦ, КРАНЕЦ, ПОГРЕБЕЦ (ср. диминутивы *народец*, *расказец*, *секретец*). ДАНТИСТ (*литературовед*.) с толкованием “исследователь творчества Данте Алигьери” воспринимается в одном ряду с хорошо известными дериватами типа *пушкинист* или *дарвинист*. ШЕСТЕРНЯ вполне логично толкуется на фоне натуральных *тройня*, *четверня*, *пятерня* и т.д. Чем продуктивнее словообразовательная модель, тем быстрее поиск толкования направляется в нужное русло. Если же все слово или какая-то его часть этому сопротивляется, фантазия читателя теряет под собой твердую почву и рассеивается.

Скажем, в вокабуле ТЫКВА легко выделяется часть ТЫ, совпадающая с местоимением 2-го лица. Но оставшаяся часть КВА ничего, кроме звука, производимого лягушкой, не напоминает. *Клюква*, *брюква* и *смоква* тут

“не работают”. Поэтому для искусственной семантизации открывается определенный простор. ТЫКВА в Словаре — это может быть, к примеру, “коммуникативный невежа, грубиян” (учет семы “простой, грубый” — об овоще), “обращение Ивана-царевича к лягушке” (сказочный мотив), “указательный палец” (связь с *тыкать*) и т.д.

Особое лингвистическое “коварство” кроется в семантизации названий малознакомых, редких, вроде ДУЭНЬЯ, ЗОИЛ, ЗЮЙД-ВЕСТКА, КАЛЕБАСА, КОСТОЕДА, ЛОРДОЗ, НАРВАЛ, ОПОРКИ, ТОРИЙ и т.п. Агнони-мы занимают в лексиконе носителя языка периферийное место, и в большинстве случаев встреча с ними сводится к расплывчатой категоризации “что-то из области такой-то”. И вот здесь доверчивый читатель может и во все принять “этимологию” за правду! Однако, априори зная о шутовском, “завиральном” характере Словаря, жаждущий истины читатель, будем надеяться, обратится в таких случаях к настоящему словотолкователю.

Толковые и переводные словари, как правило, имеют дело с именами нарицательными. И это понятно: экстенционалом слов тут является неопределенное множество предметов и понятий. Для имен собственных, с их единичным экстенционалом, существуют особые пособия: энциклопедии, словари личных имен, фамилий, топонимов и т.п. “Этимологический словарь” и здесь нарушает канон. Он не жалуется на собственные имена, они подчиняются общему правилу поиска формального сходства. В частности, в Словаре представлены такие онимы, как:

ГАИТИ — страна ГАИ; ГЕРОСТРАТ (*древнегреч.*) — утративший статус героя; МАКСИМИЛИАН — мультимиллионер; ОСИП — простуженный, больной ОРЗ; РЕВЕККА — плакса; ТРИСТАН (*средневековье*.) — стакан емкостью 300 г; ЦЕЛЬСИЙ — снайпер и т.д.

Иногда в ходе “этимологизирования” проливается свет на истинный этимон слова (ср.: БОЛОНКА — жительница Болоньи, ФУРАЖКА — сводка о ходе заготовки кормов, ПОДОРОЖНИК — путешественник и т.п.). Ничего удивительного в этом нет: слово в процессе своего функционирования подвергается деэтимологизации, но затем может “вспомнить” свои истоки. Случается также, что искусственное псевдотолкование реально обнаруживается в диалектах или в родственном языке. Например, БЕСКОЗЫРКА — игра

без козырей — существует в жаргоне картежников, сокращение ГРОБ — гражданская оборона — было хорошо знакомо студентам советской эпохи, а ГНУС со значением “отвращение” зафиксировано в других славянских языках (*gnus* в болгарском, *hnus* в чешском и словацком...).

Стоит обратить внимание на структуру псевдотолкований. Наиболее частые, повторяющиеся в Словаре элементы толкования — это “большой”, “маленький”, “человек”, “мужчина”, “женщина”, “супруга”, “самка”, “участник”, “результат” и т.п. (БАГРЕЦ — небольшой багор; ВЕРХОТУРА — самка горного козла; ЕЖЕВИКА — жена ежа; МАНЕРКА — кокетливая женщина; МЕТРОМАН — человек, обожающий поездки на подземном транспорте; ПЛЮХА — большая плюшка; СВИНЕЦ (*общезв.*) — самец свиньи и т.п.). Это не случайно: перед нами самые важные, системообразующие отношения в русском словообразовании. Хотим мы того или нет, они закладывают основу “порядка” в нашем словарном составе. Однако юмористический эффект у таких толкований невелик. Дело в том, что они основаны на категориальных семах (или “архисемах”), в то время как удачная “этимология” должна опираться на яркие семы. А максимального эффекта можно добиться, когда истинное и шутовское толкования слова вступают между собой в некую перекличку: они стилистически или идеологически сталкиваются, ср.: БОРЗОПИСЕЦ (*старослав.*) — лазерный принтер; БУЛЛИТ (*сокр.*) — бульварное чтиво; ГУМНО (*аббрев.*) — Городское управление Министерства народного образования; ИЗВЕСТНЯК — популярный эстрадный певец; ПОЗОРИЩЕ (*русск.*) — драмтеатр и т.п.

“Этимологизирование” любопытным образом вскрывает еще одно глубинное свойство языковой системы. Оказывается, в идеале опорное слово псевдотолкования должно относиться к тому же грамматическому роду, что и толкуемая вокабула. Поэтому для ЛЕСТНИЦА лучше объяснение “подлиза”, чем “подхалим”, для ОТТОЧИЕ лучше “лезвие”, чем “клинок”, для ПОЙМА лучше “ловушка”, чем “капкан”, для ФУРАЖКА лучше “сводка о ходе заготовки кормов”, чем “отчет...”. Речь идет не только о психологической оценке удачности или неудачности языковой игры, но и о внутреннем устройстве самой языковой системы. Казалось бы, грамматическое значение не имеет прямой связи с лексическим — однако в глубине

языкового сознания оно с ним коррелирует и в него вращается [41, с. 364–368].

Пародийная сущность “Этимологического словаря” (его можно было бы назвать и анти-словарем, на фоне уже прижившегося названия *антипословицы*) особенно наглядно проявляется в системе присловных помет. Совокупность помет в обычном лексикографическом пособии должна быть строго продумана: это система грамматических и стилистических (а иногда и этимологических) координат. В нашем же случае мы имеем совершенно беспорядочный набор помет типа *старослав.*, *литературовед.*, *воен.*, *научн.*, *железнодорож.*, *уст.*, *служебн.*, *единичн.*, *неодобр.*, *отцовск.* и т.п. Причем некоторые из них довольно частотны, а некоторые упоминаются на протяжении словаря всего раз или два. В этом тоже можно усмотреть критический намек и косвенную рекомендацию для лексикографов.

Заключение

“Этимологизирование” — лишь один из видов языковой игры, привлекающий художников слова и филологов. В целом же формы языкового креатива бесконечно многообразны, они воплощают в себе сочетание экспрессивной, эстетической, фатической и людической функций языка. Нечетко-множественная (диффузная) природа лексических классов, относительная свобода номинации и способность слова к мгновенному развитию переносных значений, функциональная многоликость общения — всё это те предпосылки, которые обеспечивают языковой игре постоянное и важное место в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 221 с.
2. Петрухина Е.В. Контекстная деривация и словообразовательная система (на материале русского языка) // *Słowotwórstwo słowiańskie: system i tekst. Prace Komisji Słowotwórczej przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów. Seria 13.* Poznań, 2012. С. 287–295.
3. Кузнецов П.С. О принципах изучения грамматики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 100 с.
4. Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 1. С. 91–115.

5. *Смирницкий А.И.* Синтаксис английского языка. М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1957. 284 с.
6. *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. 3-е изд. М.: Русский язык, 1987. 879 с.
7. *Ковалев В.П.* Языковые выразительные средства русской художественной прозы. Киев: Вища школа, 1981. 184 с.
8. *Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест* / Отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1993. 238 с.
9. *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2002. 547 с.
10. *Ремчукова Е.Н.* Креативный потенциал русской грамматики. Монография. М.: Изд-во РУДН, 2005. 329 с.
11. *Норман Б.Ю.* Игра на гранях языка. М.: Флинта-Наука, 2006. 344 с.
12. *Гридина Т.А.* Языковая игра в художественном тексте. Монография. Екатеринбург: Изд-во УГПУ, 2012. 253 с.
13. *Пословицы русского народа.* Сборник В. Даля. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1957. 991 с.
14. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. Популярный очерк. 2-е изд. М.: Государственное издательство, 1920. 504 с.
15. *Супрун А.Е.* Лекции по языковедению. Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1978. 143 с.
16. *Заде Л.* Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. М.: Мир, 1976. 165 с.
17. *Байкулова А.Н.* Неофициальное общение и его разновидности: критерии выделения и реальное функционирование. Монография. Саратов: ООО Издательский центр "Наука", 2012. 196 с.
18. *Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация* / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003. 565 с.
19. *Handke K.* Polski język familijny. Opis zjawiska. Warszawa: SOW, 1995. 352 s.
20. *Радбиль Т.Б.* Язык и мир: Парадоксы взаимотражения. Москва: Издательский дом ЯСК, 2017. 592 с.
21. *Катаева Т.* Анти-Ахматова. Минск: Современный литератор, 2008. 765 с.
22. *Кронгауз М.А.* Самоучитель Олбанского. М.: АСТ, 2013. 440 с.
23. *Красильникова Е.В.* "Почему не говорят...?" // Развитие современного русского языка 1972. Словообразование, членимость слова. М.: Наука, 1975. С. 221–227.
24. *Федин С.* Лучшие игры со словами. 2-е изд. М.: Рольф, 2001. 256 с.
25. *Гук Е.* Интеллектуальные игры. М.: Астрель-АСТ, 2002. 351 с.
26. *Fónagy I.* Languages Within Language. An evolutive approach. Amsterdam / Philadelphia, 2001. 820 p.
27. *Chrzanowska-Kluczevska E.* Language-games: pro and against. Kraków: TAIWPN UNIVERSITAS, 2004. 219 p.
28. *Augarde T.* The Oxford Guide to Word Games. Oxford: Oxford University Press, 1986. 240 p.
29. *Crystal D.* Language Play. Penguin Books, 1998. 249 p.
30. *Ильясова С.В., Амири Л.П.* Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта-Наука, 2009. 295 с.
31. *Хейзинга Й.* Homo ludens в тени завтрашнего дня. М.: Прогресс-Академия, 1992. 464 с.
32. *Химик В.В.* Диффузное варьирование слов, значений и формантов в русской разговорно-обиходной речи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 717–720.
33. *Норман Б.Ю.* К истории "Этимологического словаря" // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия "История, филология". 2015. Т. 14, вып. 9. С. 174–182.
34. *Вандриес Ж.* Язык. Лингвистическое введение в историю. М.: Соцэкгиз, 1937. 410 с.
35. *Норман Б.Ю.* Всерьез о шутке ("Комментарий к Этимологическому словарю" и "Этимологический словарь") // Вопросы языка и литературы. Вып. IV, часть 1. Новосибирск, 1970. С. 188–199.
36. *Иткин И.Б.* Словарные пометы и языковая игра // Филологические науки. 1994. № 2. С. 100–107.
37. *Попова Т.В.* Семантическое пространство русского глагола и языковая игра // Художественный текст: структура, семантика, прагматика. Екатеринбург, 1997. С. 131–143.
38. *Вепрева И.Т.* Языковые игры на метаязыковом поле: о нарочито ложной этимологии слов // Лингвистика креатива–3. Коллективная монография / Под ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2014. С. 149–161.
39. *Gerhardt D.* Russisch wie es nicht im Wörterbuch steht // Zeitschrift für den Russisch-Unterricht. Bd. VII. Heft 1. 1971/1972. S. 5–31.

40. Большой толковый словарь русского языка / Глав. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
41. Норман Б. Род в языке или гендер в сознании (когнитивные и социопсихологические аспекты) // Slavistična revija. Letnik 67/2019, št. 2. С. 361–371.
11. Norman, B.Yu. *Igra na granjah jazyka* [Playing on the Edges of the Language]. Moscow, Flinta–Nauka Publ., 2006. 344 p. (In Russ.)
12. Gridina, T.A. *Jazykovaja igra v hudozhestvennom tekste* [Language Game in the Fiction]. Monography. Ekaterinburg, UGPU Publ., 2012. 253 p. (In Russ.)
13. Dal, V. (ed.). *Poslovice russkogo naroda* [Russian Proverbs]. Moscow, Gosizdat Publ., 1957. 991 p. (In Russ.)
14. Peshkovskiy, A.M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii. Populjarnyj ocherk* [Russian Syntax in Scientific Coverage. Popular Essay]. The 2nd ed. Moscow, Gosizdat Publ., 1920. 504 p. (In Russ.)
15. Suprun, A.E. *Lekcii po jazykovedeniju* [Linguistics Lectures]. Minsk, BGU Publ., 1978. 143 p. (In Russ.)
16. Zade, L. *Ponjatie lingvisticheskoj peremennoj i ego primenenie k prinjatiju priblizhennyh reshenij* [The Concept of a Linguistic Variable and its Application to Approximate Reasoning]. Moscow, Mir Publ., 1976. 165 p. (In Russ.)
17. Bajkulova, A.N. *Neoficialnoe obshhenie i ego raznovidnosti: kriterii vydelenija i realnoe funkcionirovanie* [Informal Communication and its Varieties: Selection Criteria and Real Functioning]. Monography. Saratov, Nauka Publ., 2012. 196 p. (In Russ.)
18. Krysin, L.P. (ed.). *Sovremennyy russkij jazyk: Socialnaja i funkcionalnaja differenciacija* [Modern Russian: Social and Functional Differentiation]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kultury Publ., 2003. 565 p. (In Russ.)
19. Handke, K. *Polski język familijny. Opis zjawiska* [Polish in the Family. Description of the Phenomenon]. Warszawa, SOW Publ., 1995. 352 p. (In Polish)
20. Radbil, T.B. *Jazyk i mir: Paradoksy vzaimootrazhenija* [Language and the World: Paradoxes of Mutual Reflection]. Moscow, JaSK Publ., 2017. 592 p. (In Russ.)
21. Kataeva, T. *Anti-Akhmatova* [Anti-Akhmatova]. Minsk, Sovremennyy literator Publ., 2008. 765 p. (In Russ.)
22. Krongauz, M.A. *Samouchitel Olbanskogo* [Self-Study Guide of the “Olbanian” Language]. Moscow, AST Publ., 2013. 440 p. (In Russ.)
23. Krasilnikova, E.V. *“Pochemu ne govorjat...?”* [“Why don’t they say...?”]. *Razvitie sovremennogo russkogo jazyka 1972. Slovoobrazovanie, chlenimost slova* [Development of the Contemporary Russian Language 1972. Word-Formation, Word-Segmentation]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 221–227. (In Russ.)
1. Zemskaya, E.A. *Slovoobrazovanie kak dejatel'nost'* [Word Formation as an Activity]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 221 p. (In Russ.)
2. Petruhina, E.V. *Kontekstnaja derivacija i slovoobrazovatel'naja sistema (na materiale russkogo jazyka)* [Contextual Derivation and Word-Formation System (Based on the Material of the Russian Language)]. *Słowotwórstwo słowiańskie: system i tekst*. Prace Komisji Słowotwórczej przy Międzynarodowym Komitecie Slavistów. Seria 13. Poznań, 2012, pp. 287–295 (In Russ.)
3. Kuznecov, P.S. *O principah izuchenija grammatiki* [On the Principles of Learning Grammar]. Moscow, Moscow University Publ., 1961. 100 p. (In Russ.)
4. Talmi, L. *Otnoshenie grammatiki k poznaniu* [The Relationship of Grammar to Cognition]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 9. Filologija. 1999, No. 1, pp. 91–115 (In Russ.)
5. Smirnickiy, A.I. *Sintaksis anglijskogo jazyka* [English Syntax]. Moscow, Izdatel'stvo literatury na inostrannyh jazykah Publ., 1957. 284 p. (In Russ.)
6. Zalizniak, A.A. *Grammaticheskij slovar russkogo jazyka. Slovoizmenenie* [Grammar Dictionary of the Russian Language. Inflection]. The 3rd ed. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1987. 879 p. (In Russ.)
7. Kovalev, V.P. *Jazykovye vyrazitel'nye sredstva russkoj hudozhestvennoj prozy* [Linguistic Means of Russian Fiction]. Kiev, Vishha shkola Publ., 1981. 184 p. (In Russ.)
8. Zemskaya, E.A. (Ed.). *Russkaja razgovornaja rech. Fonetika. Morfologija. Leksika. Zhest* [Russian Colloquial Speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 238 p. (In Russ.)
9. Sannikov, V.Z. *Russkij jazyk v zerkale jazykovoj igry* [Russian Syntax in Scientific Coverage]. The 2nd ed. Moscow, Jazyki slavjanskoj kultury Publ., 2002. 547 p. (In Russ.)
10. Remchukova, E.N. *Kreativnyj potencial russkoj grammatiki* [The Creative Potential of Russian Grammar]. Monography. Moscow, RUDN Publ., 2005. 329 p. (In Russ.)

REFERENCES

24. Fedin, S. *Luchshie igry so slovami* [Best Word Games]. The 2nd ed. Moscow, Rolf Publ., 2001. 256 p. (In Russ.)
25. Gik, E. *Intellektual'nye igry* [Mind Games]. Moscow, Astrel–AST Publ., 2002. 351 p. (In Russ.)
26. Fónagy, I. *Languages Within Language. An evolutive approach*. Amsterdam, Philadelphia, 2001. 820 p.
27. Chrzanowska-Kluczevska, E. *Language-games: pro and against*. Kraków, TAIWPN UNIVERSITAS, 2004. 219 p.
28. Augarde, T. *The Oxford Guide to Word Games*. Oxford, Oxford University Press, 1986. 240 p.
29. Crystal, D. *Language Play*. Penguin Books, 1998. 249 p.
30. Iljasova, S.V., Amiri, L.P. *Yazykovaya igra v komunikativnom prostranstve SMI i reklamy* [Language Game in the Communicative Space of Media and Advertising]. Moscow, Flinta–Nauka Publ., 2009. 295 p. (In Russ.)
31. Huizinga, J. *Homo ludens v teni zavtrashnego dnja* [Homo Ludens in the Shadow of Tomorrow]. Moscow, Progress–Akademija Publ., 1992. 464 p. (In Russ.)
32. Himik, V.V. *Diffuznoe variirovanie slov, znachenij i formantov v russkoj razgovorno-obihodnoj rechi* [Diffuse Variation of Words, Meanings and Formants in Russian Colloquial Everyday Speech]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2011, No. 6 (2), pp. 717–720. (In Russ.)
33. Norman, B.Yu. *K istorii “Entimologicheskogo slovarja”* [To the History of the “Entymological Dictionary”]. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Serija “Istorija, filologija”* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series “History, Philology”]. 2015, Vol. 14, No. 9, pp. 174–182. (In Russ.)
34. Vandries, Zh. *Jazyk. Lingvisticheskoe vvedenie v istoriju* [The Language. A Linguistic Introduction to History]. Moscow, Socekiz Publ., 1937. 410 p. (In Russ.)
35. Norman, B.Yu. *Vseriez o shutke (Kommentarij k “entimologicheskomu slovarju” i “Entimologicheskij slovar”)* [Seriously about the Joke (Commentary on the “Entymological Dictionary” and “Entymological Dictionary”)]. *Voprosy jazyka i literatury* [Topics in Study of Language and Literature]. Issue IV, Part 1. Novosibirsk, 1970, pp. 188–199. (In Russ.)
36. Itkin, I.B. *Slovarnye pomety i jazykovaja igra* [Vocabulary Marks and Language Play]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences]. 1994, No. 2, pp. 100–107. (In Russ.)
37. Popova, T.V. *Semanticheskoe prostranstvo russkogo glagola i jazykovaja igra* [The Semantic Space of the Russian Verb and the Language Play]. *Hudozhestvennyj tekst: struktura, semantika, pragmatika* [A Fiction Text: Structure, Semantics, Pragmatics]. Ekaterinburg, 1997, pp. 131–143. (In Russ.)
38. Vepreva, I.T. *Jazykovye igry na metajazykovom pole: o narochito lozhnoj jetimologii slov* [Language Plays on the Metalanguage Field: on Deliberately False Etymology of Words]. In: Gridina, T.A. (Ed.) *Lingvistika kreativa–3* [Linguistics of Creativity–3]. Collective Monography. Ekaterinburg, UGPU Publ., 2014, pp. 149–161. (In Russ.)
39. Gerhardt, D. *Russisch wie es nicht im Wörterbuch steht*. Zeitschrift für den Russisch-Unterricht. Band VII. Heft 1. 1971/1972. S. 5–31.
40. Kuznecov, S.A. (ed.). *Bolshoj tolkovyj slovar russkogo jazyka* [Great Dictionary of Russian Language]. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1536 p. (In Russ.)
41. Norman, B. *Rod v jazyke ili gender v soznanii (kognitivnye i sociopsihologicheskie aspekty)* [Gender in Language or Gender in Consciousness (Cognitive and Sociopsychological Aspects)]. *Slavistična revija. Letnik 67-2019*, No. 2, pp. 361–371. (In Russ.)